

Н. Бердяев

**Духовный кризис
интеллигенции**

**Статьи по общественной и
религиозной психологии
1907-1909**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Н11

Н11 **Н. Бердяев**
Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии 1907-1909 / Н. Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 308 с.

ISBN 978-5-458-52439-1

Бердяев Николай Александрович (1874-1948), русский религиозный философ-мистик, близкий к экзистенциализму. Происходил из дворянской семьи. Учился в Киевском университете. В студенческие годы участвовал в социал-демократическом движении; подвергался репрессиям (исключение из университета и ссылка). Выступал в программных сборниках русских идеалистов: "Проблемы идеализма" (1902), антиреволюционные сборники "Вехи" (1909), "Из глубины" (1918); был организатором и председателем "Вольной академии духовной культуры" (1918—22). В 1922 выслан за границу. Сборник статей "Духовный кризис интеллигенции" посвящен веховской проблематике, не утратившей свою актуальность и по сей день. Бердяев в предисловии к нему пишет: "Предлагаемый сборник моих статей по темам и направлению близок к критической задаче сборника "Вехи", и, думаю, может внести свою лепту в тот капитал, который пойдет на открытие путей исхода из духовного кризиса, ныне переживаемого русской интеллигенцией".

ISBN 978-5-458-52439-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Предлагаемый сборникъ моихъ статей по темамъ и правленію близокъ къ критической задачѣ сборника „Вѣхъ“ ¹⁾, и, думается мнѣ, можетъ внести свою лепту въ тотъ капиталъ, который поидетъ на открытіе путей исхода изъ духовнаго кризиса, нынѣ переживаемаго русской интеллигенціей. Я твердо стою на томъ, что всякій серьезный кризисъ съ соціальной и политической своей стороны является лишь поверхностью, лишь производнымъ, корни же лежатъ въ духовной и таинственной глубинѣ бытія, а потому и выходъ изъ кризиса связанъ съ перерожденіемъ этихъ глубинъ. Политическая реакція—явленіе производное, поверхностное, скоропреходящее, и близоруко было бы слишкомъ на ней фиксироваться, какъ-то склонна дѣлать теперь традиціонно-радикальная интеллигенція. Духовно зрячій видитъ, что въ глубинѣ нашей жизни совершается подземная работа, послѣдствія которой еще не выявлены и значеніе которой еще впереди. И въ русской „интеллигенціи“ и въ русскомъ „народѣ“ происходитъ сдвигъ воли и сознанія, который ведетъ къ иному чувству жизни и иному пониманію міра. У интеллигенціи незримо нарождается новая душа. Но всякій глубокий кризисъ—прежде всего кризисъ вѣры, всякій обволакивающий переломъ ведетъ отъ поклоненія идоламъ къ возрожденной вѣрѣ въ живого Бога. Нынѣ радикаломъ и революціонеромъ (въ глубокомъ, духовномъ смыслѣ этого слова) можетъ быть названъ тотъ, кто по мѣрѣ силъ своихъ способствуетъ радикальному перерожденію интеллигенціи, утвер-

¹⁾ Задолго до появленія „Вѣхъ“ я разрабатывалъ въ своихъ статьяхъ вопросы, поднятые этимъ сборникомъ.

ждаетъ сознательно новый строй души и не идолопоклонническую вѣру въ Бога; тотъ же, кто задерживаетъ этотъ процессъ перерожденія, кто охраняетъ интеллигентское старовѣріе, интеллигентскія предрасудки и оправдываетъ старые грѣхи, тотъ именно долженъ быть названъ консерваторомъ (въ другомъ смыслѣ этого слова) и реакціонеромъ. Трагедія русской революціи обострила давно уже нарождающійся кризисъ, и тотъ, кто глубоко пережилъ эту трагедію, тотъ не можетъ уже отстаивать старую интеллигентскую идеологию, старую, деморализирующую тактику. Я глубоко пережилъ тотъ переломъ, который условно называю духовнымъ кризисомъ интеллигенціи. II, если съ одной стороны пережитое и испытанное, порождаетъ субъективную страстность тона, которая можетъ внушить подозрѣніе въ недостаткѣ объективнаго безпристрастія, то, съ другой стороны, въ этой печати жизни я вижу главное оправданіе для появленія моего сборника. Оставляю нетронутымъ то, что непосредственно вылилось, какъ реакція на жизнь.

Сборникъ „Вѣхи“ объединилъ людей разныхъ положительныхъ идей и вѣрованій, но въ чемъ то важномъ всетаки объединилъ. Кажется, я могу формулировать то положительное, къ чему призываютъ всѣ участники „Вѣхъ“ взамѣнъ традиціонныхъ идеаловъ интеллигенціи. Всѣ мы хотимъ положить въ основу общественнаго міросозерцанія идею личности и идею націи взамѣнъ идеи интеллигенціи и классовъ (и „народа“ въ классовомъ смыслѣ), которыми всегда вдохновлялась традиціонно-настроенная русская интеллигенція. Личное самочувствіе и національное самочувствіе должны взять верхъ надъ самочувствіемъ интеллигентскимъ и классовымъ. Для возрожденія Россіи существенно важно, чтобы каждый созналъ себя человѣческой личностью въ абсолютномъ ея значеніи и членомъ націи въ абсолютномъ ея предназначеніи, а не интеллигентомъ или представителемъ того или иного класса. Эта перемѣна въ самочувствіи и въ сознательныхъ идеяхъ предполагаетъ совсѣмъ иную философію, чѣмъ та, что до сихъ поръ господствовала въ интеллигентской средѣ. Господствующія у насъ идеи „интеллигенціи“ и „класса“ (также и „народа“) опираются на феноменализмъ и эмпиризмъ; идеи личности и націи философски предполагаютъ признаніе ихъ субстанціональности. Лич-

ность—субстанція и нація—субстанція. Субстанціональность ихъ дана не въ философскомъ только умствованіи, но и въ живомъ опытѣ. Мы должны пережить несостоятельность феноменалистическаго иллюзіонизма и опытно постигнуть субстанціональность нашей личности и нашей націи. Реализмъ долженъ побѣдить номинализмъ, какъ въ жизни, такъ и въ мышленіи. Классы, въ томъ числѣ и классъ „интеллигенціи“ имѣютъ значеніе феноменалистическое, эмперически выводное и подчиненное, въ то время какъ личность и нація имѣютъ значеніе субстанціональное и реальное и потому имъ принадлежитъ центральное мѣсто въ нашемъ міросозерцаіи. И личность и нація — живые организмы, корни которыхъ заложены бездонно глубоко, они неистребимы, классы—преходящіе образованія. Поэтому духовная реформа, за которую ратуетъ сборникъ „Вѣхи“ и мой сборникъ, переноситъ центръ тяжести жизни съ одной стороны въ глубь переживаній личности, въ повышеніе ея творческой энергіи, въ ея религіозный опытъ, ея моральную, эстетическую и философскую культуру, съ другой стороны, въ ширь національной, всенародной жизни съ ея историческими перспективами и связью этихъ перспективъ съ историческимъ прошлымъ.

Новая интеллигенція съ этой точки зрѣнія не можетъ быть соціальной группой, принадлежность къ ней не можетъ опредѣляться особеннымъ общественнымъ направленіемъ и особенной моральной настроенностью. Новая интеллигенція можетъ состоять лишь изъ подбора *личностей* болѣе высокихъ качествъ: принадлежать къ интеллигенціи должны лишь тѣ, кто обладаютъ высокими качествами умственными, нравственными или эстетическими, особенными знаніями, энергіей или творчествомъ, талантомъ, гениемъ или пророческимъ даромъ. Могутъ быть *избранныя личности*, но не можетъ быть избранныхъ классовъ, избранныхъ соціальныхъ группъ. Возможно ли сказать, что у насъ принадлежность къ интеллигенціи опредѣляется гениемъ, талантомъ, способностями, знаніемъ, энергіей, вообще подборомъ качествъ личности? Интеллигенты далеко не всегда бываютъ у насъ интеллигентны. Психологическій типъ интеллигенціи покоится на соціально-групповыхъ особенностяхъ, а не на духовной мощи. Тогда лишь измѣнится от-

щепенскій характеръ „интеллигенціи“, сотрется стародавняя ея противоположность „народу“, когда интеллигенція станетъ духовнымъ цвѣтомъ народа, избранными его личностями, а не кружковщиной, претендующей спасать отечество, независимо отъ своихъ *качествъ*. Широкіе слоны нашей исторической „интеллигенціи“ должны слиться съ „народомъ“, съ „обывателями“, войти въ гущу національной жизни и расти изъ нѣдръ народной жизни личными своими качествами, ими поднимать обывательскую жизнь вверхъ. Старая интеллигенція должна уступить мѣсто *личности* и ея творческому почину. „Интеллигентъ“ въ старомъ, социально-групповомъ смыслѣ этого слова, съ традиціоннымъ душевнымъ укладомъ и традиціонными взглядами въ среднемъ нѣчѣмъ не выше купца, помѣщика, чиновника и иного обывателя. Лучше быть хорошимъ купцомъ, чѣмъ плохимъ интеллигентомъ. И пора перестать себя кичливо выдѣлять изъ всенародной, національной жизни, пора перестать и поклоняться „народу“, какъ идолу, и противопоставлять себя „народу“, какъ избранную группу. Самъ же „народъ“, конструированный интеллигентскимъ отщепенствомъ, долженъ уступить мѣсто *нации*,—народу въ религіозно-реальномъ смыслѣ этого слова.

Хотѣлось бы еще подчеркнуть, что реформаторская работа „Вѣхъ“ стремится къ созданію такой духовной атмосферы, въ которой навѣки станетъ невозможной „азефовщина“.

II.

Въ основу новаго для русскаго интеллигента міровоззрѣнія должна быть положена не только идея субстанціональности личности и націи, т. е. вѣвременности и неистребимости органическихъ корней личности и націи, но и идея *свободы*. Есть два міроощущенія: въ основѣ одного лежитъ чувство обиды, въ основѣ другого— чувство вины, имъ соотвѣтствуютъ и разныя философіи. Интеллигенція наша до сихъ поръ исповѣдывала философію обиды, т. е. философію рабскую; должна же исповѣдывать философію вины, т. е. философію свободы. Только свободный можетъ чувствовать себя виновнымъ, только сознавшій вину обращается

къ глубочайшей своей свободѣ. Философія вины и есть философія сыновъ Божьихъ, свободныхъ существъ. Философія обиды есть философія рабовъ, сыновъ природной необходимости. Христіанство — религія вины и свободы, религія благородства и чести человѣка, его свободного богосыновства; оно освобождаетъ человѣка отъ чувства рабской зависимости, отъ скованности природной необходимостью и доводитъ человѣка до сознанія своей свободной вины, сознанія столь противоположнаго рабей обидѣ на природную необходимость. Соціалистическая вѣра и надежда — религія обиды и рабской зависимости отъ природной необходимости и потому такъ часто питаетъ она чувства мести и злобы. Сознавшіе свое богосынство, свою высшую природу, свою изначальную свободу, не могутъ чувствовать злобы и мести, не могутъ испытывать рабьяго чувства обиды, они прежде всего чувствуютъ вину свою и сознаютъ свободу свою, отъ которой зависить строй міра. Если изъ чувства рабей необходимости рождается революція обиды и мести, то изъ христіанскаго чувства свободного богосыновства рождается революція вины и свободного возрожденія. Искушеніе—отвѣтъ на муку вины. Возрожденіе и преображеніе—путь свободы. Злобный бунтъ—отвѣтъ на муку обиды. Истребленіе и отрицаніе—путь рабской скованности. Принять на себя вину и отвѣтственность можетъ лишь сознавшій бездонность своей свободы, свобода же эта открывается черезъ Христа, черезъ совершенное Имъ богоусыновленіе. Отъ безмѣрной обиды рождается злоба, отъ безмѣрной вины рождается любовь. Путь обиды и необходимости — путь разрушительный, путь вины и свободы—путь созидательный. Сознаніе своего богосыновства и своей безмѣрной свободы есть сознаніе своей избранности, но это сознаніе избранности открыто для всѣхъ, и не избираются лишь тѣ, которые свободнымъ актомъ своей воли отдались царству обиды, злобы и зависимости. Основное религіозное дѣленіе міра есть дѣленіе на виновныхъ и обиженныхъ, на свободныхъ и рабовъ, на благородныхъ и неблагородныхъ. Въ каждой душѣ человѣческой сознаніе свободной виновности сыновъ Бога должно побѣдить рабью обиженность сыновъ необходимости.

III.

И въ отношеніи къ Церкви психологія обиды и претензіи должна быть окончательно побѣждена психологіей вины и отвѣтственности. Съ Церковью нельзя вступать въ договоръ, нельзя ставить ей условій своего вхожденія въ нея. Нельзя на Церковь возлагать отвѣтственность за грѣхи человѣческіе. Церковь есть богочеловѣчскій организмъ и богочеловѣчскій процессъ. Въ богочеловѣческой органической динамикѣ есть сторона божественная, неизблемая святыня, благодатные дары Св. Духа, ни отъ чего человѣческаго не зависящіе и есть сторона человѣческая, человѣческая волевая активность, устремленная къ божественной жизни, есть творчество, котораго Богъ ждетъ отъ человѣчества. Упадокъ Церкви, болѣзнь ея есть лишь упадокъ и болѣзнь человѣческой волевой активности. Жизнь Церкви протекаетъ въ таинственномъ единеніи человѣчества и Божества и жизнь эта падаетъ и разлагается, когда воля человѣчества отвращается отъ Божества. Поэтому на себя лишь мы должны возложить вину за ту мерзость запустѣнія, которую видимъ на мѣстѣ святомъ. Церковная іерархія можетъ разложиться сверху донизу въ человѣческой своей сторонѣ. Божественная же Святыня Церкви остается неизблемой. Святыня эта должна быть принята по дѣтски, ибо лишь какъ дѣти можемъ мы войти въ Царство Божье. Раціоналистическая критика Церкви есть невѣріе. Церковь—таинственное общеніе всѣхъ живыхъ и умершихъ, вѣчная память объ умершихъ, какъ о живыхъ. Эта церковная связь съ умершими, съ отцами есть священная основа истиннаго консерватизма. Ибо низка была бы общественность, основанная на забвеніи. Церковь дорога тѣмъ, кому дорога исторія. Но церковно-христіанская идея имѣетъ сторону не только консервативную, но и творческую, обращенную къ новой жизни, вѣчно рождающейся изъ устремленія воли человѣческой къ Божеству. Творческая сторона религіозной жизни нынѣ особенно должна быть выдвинута, такъ какъ жизнь церковная омертвѣла, т. е. омертвѣла человѣческая активность въ Церкви.

IV.

Глубже всего я пережилъ подъ вліяніемъ русской революціи и опыта послѣднихъ лѣтъ сознаніе несостоятельности всѣхъ отвлеченныхъ, безплотныхъ, рacionales стическихъ рѣшеній вопросовъ общественности. И сама жизнь и работа мысли обратили меня къ *сознательному историзму*. Я почувствовалъ мистичность истоковъ исторіи, таинственность тысячелѣтіями дѣйствующихъ въ исторіи силъ. Мистична и таинственна не только Церковь, но и государство ¹⁾, и національность, и вся культура, и всѣ большія тѣла исторіи. Все огромное, длительное, значительное въ исторіи вызываетъ таинственный трепетъ и не можетъ быть рационально отрицаемо и отвергнуто. Рациональное отверженіе плоти исторіи есть все та же психологія икоборчества. Иконоборческій рационализмъ отвергаетъ мистическую символику исторіи, на которой зиждется не только религіозная жизнь, но и вся культура, изъ культа развивающаяся.

Легко провозгласить, что абсолютная свобода есть верховная цѣль, что въ ней смыслъ мірового процесса. Но попробуйте выйти изъ исторіи съ ея таинственными путями, провозгласите абсолютную свободу въ данный моментъ и наступитъ хаосъ, рабство и не бытіе. Абсолютная свобода осуществляется черезъ исторію и историческія тѣла, черезъ таинственную историческую преемственность, церковную и культурную. Государство не есть предѣльная цѣль общественнаго развитія, цѣль эта въ свободномъ боговластіи и безвластіи, но лишь черезъ государство и власть ²⁾ осуществляется эта цѣль. Нужно относительно утверждать государство, чтобы абсолютно его преодолѣть. Церковная іерархія не есть предѣльная цѣль религіознаго развитія, цѣль эта —

¹⁾ Я рѣшительно отвергаю мистическую связь православія и самодержавія, но утверждаю мистичность государства, мистичность отношенія къ нему людей, независимо отъ формы государства. Къ государству у насъ такое же сверхразумное отношеніе, какъ и къ культурѣ. Этимъ нисколько не исключается борьба съ деспотизмомъ, возстаніе противъ устарѣвшихъ и злыхъ формъ государственности.

²⁾ Опять такъ подъ властью, я разумѣю не какое-нибудь данное правительство, а идею власти въ ея противоположности анархіи.

въ всеобщемъ священствѣ и свободной любви, но лишь черезъ іерархическую церковную преемственность осуществится эта цѣль. Также и окончательное объединеніе человѣчества въ единое тѣло осуществится черезъ національности, и новая творческая культура создастся черезъ преемственные культурныя традиціи. Только углубленное религиозное сознаніе можетъ излѣчить насъ отъ безплоднаго утопизма, отъ отвлеченныхъ рѣшеній общественныхъ вопросовъ внѣ историческаго времени и пространства, отъ утопическаго отрицанія коренного зла человѣческой природы и почти нечеловѣческой трудности борьбы съ нимъ. Только вѣра въ живого Бога излѣчиваетъ отъ отвлеченной соціальной мечтательности, отъ идолопоклонническаго превращенія ограниченныхъ соціальныхъ предметовъ въ божество. Кто почувствовалъ живого Бога и реальный путь своего соединенія съ Нимъ, тотъ не нуждается уже въ выдумываніи себѣ ложныхъ боговъ, въ соціальномъ утопизмѣ, въ отвлеченной конструкціи совершенства на землѣ, тотъ постигаетъ условность и относительность всякой внѣшней общественности и безусловность и абсолютность религиозной жизни. И я не вѣрю, окончательно не вѣрю въ религиозное возрожденіе, которое будетъ имѣть источникъ внѣшній, общественный и внѣрелигиозный. Религиозное возрожденіе не можетъ быть создано ни общественной революціей, ни общественными реформами. И церковные революціонеры и церковные реформаторы-обновленцы начинаютъ не съ того конца, безсознательно подчиняютъ таинственные глубины религиозной жизни общественнымъ реформамъ и переворотамъ¹⁾. Но подлинное общественное возрожденіе должно пойти изъ глубины религиозной жизни, изъ религиозной дисциплины воли. Религиозный же сдвигъ нашей воли первиченъ и ни изъ чего не выводимъ.

V.

Путь къ новой жизни—путь творческій и созидательный, а не разрушительный и отрицательный, не превращеніе

¹⁾ Повторяется та же роковая ошибка, что и у церковныхъ консерваторовъ и реакціонеровъ, которые тоже вѣдь подчинили религиозную жизнь государству и внѣшней силѣ.

прошлаго съ ушедшими отъ насъ предками въ *talula gasa*. Радикализмъ творческаго пути не можетъ измѣряться старыми критеріями „правости“ и „лѣвости“. Мы хотимъ стать окончательно внѣ правости и лѣвости, соединяться и раздѣляться по новымъ критеріямъ. Крайніе правые и крайніе лѣвые дышать злобой и ненавистью, жаждутъ разрыва, усиленія пропасти, разсѣченія народной жизни. Самъ этотъ принципъ раздѣленія и отталкиванія, злобный и ненавистническій, забывающій о лицѣ человѣческомъ, становится уже нестерпимымъ. Этотъ принципъ партійной, кружковой, классовой, сословной вражды и озлобленности одинаково свойственъ и правымъ и лѣвымъ, всѣ они полагаютъ свою гордость въ ненависти къ врагамъ и въ силѣ отталкиванія. Не люблю чернаго и краснаго цвѣта, потому что это цвѣта ложнаго раздѣленія и ложной вражды. Россія обливается кровью отъ этого раздора и озлобленія. Всѣ забыли о Россіи. Ищу принципа притяженія, призывающаго къ любви, одинаково чуждаго нынѣшняго паноса и праваго и лѣваго лагеря. Нашъ мечъ раздѣляетъ не правыхъ и лѣвыхъ, не реакціонныхъ и революціонныхъ, не буржуазію и пролетаріатъ, не общественные классы и группы, а волю, направленную къ добру, любви и божественной жизни и волю, направленную къ злу, къ ненависти и небытію. Россія—страдающая живое существо и ее любить пужно править партіей классовъ, „правости“ и „лѣвости“.

VI.

Съ давнихъ поръ и до нашихъ дней основнымъ раздѣленіемъ въ русскомъ самосознаніи остается раздѣленіе на славянофильство и западничество. Славянофильскія и западническія стихіи переплетаются временами причудливо: такъ у Вл. Соловьева, славянофила по своимъ исходнымъ идеямъ, очень сильно истинное западничество, у русскихъ же революціонеровъ и даже марксистовъ, по исходнымъ идеямъ западниковъ, очень сильно ложное славянофильство. Русское національное самосознаніе не можетъ быть ни исключительно славянофильскимъ, ни исключительно западническимъ. Въ немъ должна раскрыться великая миссія

Россіи—быть посредницей между востокомъ и западомъ, осуществить славянофильскую мечту въ единеніи съ западной культурой и въ претвореніи ея въ свою плоть и кровь. Восточныя и русскія начала должны быть восполнены началами западными и культурными. Иначе Россію ждетъ разложеніе и гибель. Русскій духъ несетъ въ себѣ сѣмя новой и великой жизни, но, предоставленный себѣ, взятый отвлеченно, оторванный отъ культуры вселенской, онъ фатально превращается въ духъ самосожиганія и самоистребленія. Секта самосожигателей характернѣйшее порожденіе русскаго духа. Но тотъ же русскій духъ въ лицѣ Петра, Пушкина и другихъ своихъ гениевъ обнаружилъ свой всечеловѣчскій характеръ, необычайный свой даръ творческаго претворенія универсальныхъ западныхъ началъ. Кто любитъ русскую идею и хочетъ реальной мощи для ея осуществленія, тотъ долженъ быть не только славянофиломъ, но и западникомъ, т. е. долженъ раскрыть въ нашемъ національномъ самосознаніи *вселенскія* начала правды и свободы Христовой.

VII.

Въ заключеніе долженъ еще сказать: я вѣрю, вѣрю неизмѣнно, что міръ идетъ къ „религіозной новинѣ“ ¹⁾. Всѣмъ существомъ своимъ я жду въ христіанской жизни побѣды свободы надъ принужденіемъ и раскрытія пророческой и творческой стороны нашей вѣры. Но то, что есть новаго въ нашемъ религіозномъ сознаніи, то связано для меня неразрывно съ старымъ и вѣчнымъ религіознымъ сознаніемъ, съ святыней и священствомъ. Только черезъ святыню Вселенской Церкви, основанной Самимъ Христомъ, черезъ священную преемственность и священное преданіе Церкви можно и должно приблизиться къ новымъ религіознымъ берегамъ, устремиться въ таинственную, пророчествами лишь пріоткрытую даль. На пути современныхъ богоискателей стоятъ опасности рационализма и сектантства, отъ которыхъ можетъ охранить лишь пріобщеніе къ народной святынѣ и народному культу. Тамъ

¹⁾ Выраженіе одного вдохновеннаго человѣка—В. А. Терпавцева, религіозныя идеи котораго къ сожалѣнію неизвѣстны широкимъ кругамъ.